

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Алексей ПАХОМОВ

СЕРГЕЙ СНЕГОВ И ЕГО МИРАЖИ

В августе 2020 года исполнилось 110 лет со дня рождения Сергея Александровича Снегова — философа, физика, астронома, писателя-фантаста. Имя Сергея Снегова известно многим любителям научной фантастики.

Сергей Александрович Снегов (по отчиму Сергей Иосифович Штейн, по отцу Сергей Александрович Козерюк) родился в Одессе 5 (18) августа 1910 года. Православный. Крещен в Михайловской церкви на Молдаванке. Поступил в химико-физико-математический институт Одесского университета. Преподавал в Одесском университете философию.

Вы читали Сергея Снегова? Это мой любимый писатель-фантаст. Уникальный человек, уникальный писатель, уникальная биография. Его отец, Козырюк Александр Исидорович, полугрек-полунемец, большевик-подпольщик, в 20-е годы был заместителем начальника Ростовского ЧК. Оставил семью, когда Сергей был еще маленький. Его мать, Зинаида Сергеевна, повторно вышла замуж за одесского журналиста Иосифа Штейна.

Миражи Сергея Снегова начинаются с раннего детства. Он одновременно и Сергей Иосифович Штейн, и Сергей Александрович Козерюк. Имя Снегова ждет его впереди и принесет писателю всемирную славу.

Хотя нет. Все гораздо интереснее. Миражи начинаются еще с рождения. Сергей Александрович Снегов родился 23 июля (5 августа) 1910 года. Это официально. Но его мать утверждала, что просто записали неверно. Он родился 23 июня, а не 23 июля. Однако от-

Алексей Георгиевич Пахомов родился в 1972 году в г. Рязани. В 1995 году окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Физика», институт государственного управления и социальных исследований МГУ, магистратуру Учебно-научного института гравитации и космологии Российского университета дружбы народов. Член Международного евро-азиатского астрономического общества. Публикации в научных журналах: «Astronomical and astrophysical transaction», «Известия вузов» (физика), «Вестник РУДН». Публиковался в изданиях «Наука и жизнь», «Юный техник», «Земля и Вселенная», «Звездочет», «Наука и религия», «Физика в школе».

мечал он день рождения все-таки 5 августа (23 июля по старому стилю). Такие детали поведала мне его дочь, Татьяна Сергеевна Ленская. С 2013 года я веду регулярную переписку с его детьми. Его метрику видел своими глазами в Одесском архиве. Да, Сергей Козерюк действительно жил на свете. Но дорогу от Снегова до Штейна удалось проложить не сразу. Одесские поиски привели меня от университета к одесситке Аниле Федоровне Ковшун. От нее я и узнал, что настоящая фамилия Снегова Козерюк, хотя паспорт он носил на фамилию Штейн. Настоящий революционер-подпольщик. Жаль, что не удалось повидаться с уникальным писателем и человеком. Можно запутаться в его фамилиях и отчествах, но имя его неизменно. Сергей. Такое же имя, как и у Есенина. Это имя он пронес через всю жизнь.

Будущий писатель был исключен из второго класса гимназии. При содействии отца в 12 лет стал шестиклассником рабочей школы. Но школа надоела, и, выкрыв документы, он поступает в одесский физхим (химико-физико-математический институт Одесского университета) на физический факультет.

Физика соседствует в душе Сергея с философией. Его теоретические работы привлекают внимание. В 21 год специальным приказом наркома просвещения Украины, продолжая учиться на физфаке, он становится доцентом кафедры философии.

Как писал сам Сергей Снегов в своей автобиографии¹, всякий юноша стремится заглотить кусок шире рта. Он не составлял в этом смысле исключения. Он задумал специализироваться сразу в трех областях и во всех трех областях добиться выдающегося успеха — первая серьезная иллюстрация начинающейся самостоятельной жизни. Философия, физика и художественная литература — таковы три области, выбранные Сергеем для грандиозных свершений.

Вечная Троица. Говорят, мир устойчив только тогда, когда в нем правит Троица. Точнее, из всех миров всевозможной размерности только в трехмерном мире будут устойчивы такие структуры, как атомы и планетные системы. Тема многомерных миров, иномиров с экзотическими свойствами пространства и времени в его фантастических произведениях занимает особое место. До чего же интересно путешествовать по снеговским иномирам! Когда писатель-фантаст разбирается в теоретической физике и астрономии, да еще и в философии, читать его произведения особенно интересно. Только так получается настоящая научная фантастика. Примеры тому — Борис Стругацкий, Артур Кларк, Карл Саган. Имен фантастов много, но настоящих научных фантастов можно пересчитать по пальцам. Сергей Снегов относится именно к таким. Но фантастика будет еще впереди.

Выбор именно этих трех областей был не случайным. Он отвечал общественной иллюзии того времени, овладевшей всем обществом интеллектуальной моде. Философия в 20—30-х годах стала модной. Новый мир, новая страна, новые люди нуждались в новой философии. Была романтика, были мечты, были свершения. Сбывшиеся и нет. Были и разочарования. Страна нуждалась в новой философии. К Сергею Снегову можно обратиться как к очевидцу.

Модной стала физика. 1917-й — год великих революций. И не только в России. И не только общественных. Существуют еще революции научные. В 1917 году Альберт Эйнштейн создал и опубликовал свою знаменитую общую теорию относительности (ОТО). Оказывается, не только наша Земля круглая, точнее, шар. Круглой может быть вся Вселенная. Куда ни летим, обязательно вернемся в ту же точку. Весь мир может быть и кривым. Пространство и время уже не абсолютны, как учил нас Иммануил Кант. Свойства пространства и времени зависят от нас самих, точнее, от скорости, с какой мы движемся. Новый мир нуждался в новой философии. В 20—30-е годы в нашей стране,

¹ См.: <http://www.writers.koenig.ru/snegov/biography.html>.

в СССР творили, мечтали вместе со всем народом такие мыслители мирового уровня, как Владимир Иванович Вернадский и Константин Эдуардович Циолковский. В своих мечтах и трудах мы рвались в космос.

Не могла не повлиять ноосферная обстановка того времени и на молодого Сергея Снегова. Хотя он был еще не Снегов. И надо было пройти через пропасть. Как пройти через пропасть? Читайте Снегова! Достаточно искривить пространство. Или изогнуть стрелу времени. В фантастике возможно очень многое. И в физике, и в философии. Написанный Сергеем трактат «Проблемы диалектики» привлек внимание.

В 1972 году вышла книга «Прометей раскованный», где Сергей Снегов рассказал юным читателям о первооткрывателях ядерной энергии [2].

Книга написана живо и стройно. Единственная вольность, которую позволил автор, — описал характеры главных героев: Резерфорда, Бора, Ферми. Жолио, Гана, Штрассмана, Силарда, Лизы Мейтнер, Опенгеймера и других знаменитостей. Но главные герои там — «гениальные мальчики», творцы отечественного ядерного оружия. И конечно, «маршал физики» Игорь Васильевич Курчатов. «Лучше породить страх уничтожения, чем дожидаться уничтожения. Я верю в разум человечества. Слишком много безумия принесли в политику нацисты Гитлера. Надо вызвать отвращение к безумию. Надо чтобы каждый ученый понял свою ответственность. Увлечение своей научной работой необходимо соединить с трезвым пониманием возможных последствий» — с такими словами обратился к Курчатову Жолио на конференции в Ленинграде [2], с. 62. Ленинградский Физтех был в то время кузницей наших ядерных кадров. Сам создатель современной теории атомного ядра с женой Маргарет захотел посмотреть на советские центры физики, где видное место заняли его ученики [2], с. 60.

«Физики не отрывали глаз от знаменитых ученых, восседавших перед ними. Тучный Ферсман шумно дышал, опираясь на палку: казалось невероятным, что этот человек обошел пешком глухие уголки страны и еще продолжает принимать участие в экспедициях, тяжелых и для молодых. Землепроходец Обручев, статный старик, геолог и писатель, что-то чертил на листе бумаги, это, видимо, помогало слушать. Рядом бесстрастно поблескивал очками узколицый и — странно для узколицего — широкоскулый Хлопин. Больше всех поражал старик в центре. Он был невысок, худощав, с каким-то благородством в осанке и лице. Распахнутый сюртук — мода прошлого века — открывал на жилете массивную железную цепочку.

— Владимир Иванович Вернадский, — прошептал Курчатов соседям. — Цепочка — из кандалной цепи, в память о погибшем друге, ноги которого она сковывала на царской каторге.

Курчатов понимал, что здесь, среди крупнейших мастеров науки, слова обретали свое первоначальное значение: надо спокойно излагать факты, не вкладывая в рот готовые оценки, слушатели сделают оценки сами. Но нет-нет, и в голосе прорывалось увлечение, ему не терпелось передать свою веру другим. В эти секунды Вернадский поворачивал к нему лицо, умные, пронзительные глаза дружелюбно поблескивали» [2], с. 113. Не терпелось передать свою веру другим и Сергею Снегову. Смачные снеговские описания внешних характеристик ученых потом незаметно перенесутся в его фантастические произведения.

Мир снеговского подземелья перенесся на микроуровень. Из своего заточения будущий писатель страстно следил за развитием ядерной физики, всей душой и умом будучи вместе с нашими и зарубежными учеными. Бомбу создавали все вместе, даже те, кому не было к ней доступа.

«В этих грозных условиях тщательно продуманный, энергично работавший правительственный командный аппарат привел в движение все силы страны для скорей-

шего создания собственной атомной промышленности, для прикрытия могучим ядерным щитом мирного труда советских людей. Дело небольшой группы физиков стало делом всего народа» [2], с. 226.

Излюбленные персонажи Сергея Снегова — звездное небо и время. Профессиональное занятие ядерной физикой через популяризацию науки переходит в блистательное научно-фантастическое творчество.

«В эту ночь долго не засыпали. А когда уже все улеглись, Курчатов вышел наружу, смотрел на осеннее, великолепно иллюминированное звездами небо, вспоминал отрывочно и хаотично прошлое» [2], с. 252.

«Долгая, трудная и вдохновленная работа сотен ученых и инженеров, десятков тысяч строителей и промышленных рабочих, великое напряжение всех сил советского народа завершилось блистательным успехом». Такими словами заканчивается «Прометей раскованный». Небольшая, многими современниками не замеченная, как будто детская книжка. И нет никакой обиды у ее автора на страну и существующую в то время советскую идеологию. Не было обиды за ссыльную судьбу. Необычайное жизнелюбие и внутренняя сила, сочетающаяся с неиссякаемой жадой познания и любознательностью.

Сейчас совсем другая жизнь. Просоветский пафос кажется, по меньшей мере, странным. Но читайте Снегова!

Писать о тяготах «подземной» жизни имеет моральное право писать в первую очередь тот, кто эту систему прошел. Действительные и мнимые издержки системы не должны служить поводом для околополитических и журналистско-литературных спекуляций. Плохой своей истории не бывает. Если мы до сих пор живы, значит, наши предки делали все правильно. Мы движемся по лезвию бритвы, и малейшее отклонение или незаслуженное сомнение может привести к всеобщей гибели...

Сергей вынес с честью все трудности свалившейся на него участи. Не просто вынес, а после их преодоления взлетел на вершины научно-фантастического олимпа. Кто знает, что было бы, если бы... Не было подземных невзгод, не было бы... Без подземелья не было бы величайших литературно-философских шедевров Платона, Сервантеса, Достоевского. Не было бы Сергея Снегова...

Книга «Прометей раскованный» привлекла внимание Якова Борисовича Зельдовича, признанного корифея физики, астрофизики и космологии. Он специально позвонил Снегову в Калининград и предложил приехать в Москву для написания подробной книги о советских творцах ядерного оружия и ядерной энергии.

Спустя некоторое время пришла телеграмма от другого академика и Героя Соцтруда — Георгия Николаевича Флёрва. Телеграмма извещала, что он восхищен книгой Снегова и незамедлительно ждет его в Дубне, где в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ) руководит циклотронной лабораторией с самым крупным в мире ускорителем ядерных частиц. Предлагались специальное разрешение на книгу о советских ядерщиках и список деятелей нашей атомной эпопеи, с которыми предстоит знакомиться. Задача — узнавать от них подробности и писать.

Первый список советских атомщиков ограничивался двумя десятками фамилий. Впоследствии он непременно расширялся и дошел до 120 человек. С главными физиками ядра Сергей Александрович встречался по многу раз — обычно у них дома или в институтах Москвы, Ленинграда, Харькова, Дубны, Обнинска и других местах.

После ядерно-физической эпопеи С. А. Снегов целиком посвятил себя жанру научной фантастики. Исключительное достоинство его произведений — ясное изложение космологических и ядерно-физических идей, их проекций на далекое будущее, яркое, красочное, грамотное описание звездного неба, астрономической картины мира.

Любовь к космическому пространству роднит Сергея Александровича Снегова с творчеством Константина Эдуардовича Циолковского. «Громадны пространства вокруг Солнца, там где блуждают планеты и Земля со своими спутниками», — читаем в работе К. Э. Циолковского «Жизнь в межзвездной среде» [3]. В эти пространства и погружается Сергей Снегов в своих фантастических произведениях.

Отдельного внимания заслуживает трилогия «Люди как боги», настоящий шедевр научной фантастики. «Может я сентиментален, но у меня все замирает, когда я один на один остаюсь со звездным небом», — читаем в «Галактической разведке», первой части трилогии [4].

Писатель свободно оперирует в своих романах понятиями метрики, искривленного пространства, разнонаправленности и фазового угла времени. Отдельное внимание автор уделяет рассеянным звездным скоплениям Гиады, Плеяды, Хи и Аш Персея.

«Моя эпоха показала миру огромные химеры, увлекла людей к будущему, расцветшему миражами. А что за это пришлось платить великими лишениями — что ж, дорог на высоты без скал и провалов не бывает. Только дороги в рай должны быть усажены тополями», — написал Сергей Снегов в своей автобиографии в ноябре 1993 года [5]. Он не видел миражей и химер XXI века...

Творчество С. А. Снегова постоянно переключается с творчеством К. Э. Циолковского. «Итак, миры мы разделяем на кадры, отделенные друг от друга бесконечными временами. Понятно, что миры эти мало доступны, мало понятны друг другу...

Приходишь невольно в восторг от ожидающего нас разнообразия во Вселенной: возникновение в существах, подобных нам, только совершенных, довольных и счастливых, — воплощение и жизнь в „духах“ — бесчисленного числа категорий (по скачкам и плотностям)...

Эттика космоса, т. е. ее сознательных существ, состоит в том, чтобы не было нигде никаких страданий: ни для совершенных, ни для других незрелых или начинающих свое развитие животных» [6]. Так выглядят миражи Снегова в преломлении Циолковского. Чтобы не было никаких страданий...

Миражи Снегова и его фантастические миры находят свое отражение также в творчестве Рене Декарта, точнее, в интерпретации Декарта Сергеем Станиславовичем Степановым в книге «Ступени развития сознания» [7].

Из того, что мы существуем сейчас, в данный момент, не следует с необходимостью, что мы будем существовать и в следующий момент времени. Следовательно, та же причина, которая нас породила, и поддерживает наше существование постоянно, и в ее власти — поддерживать ее или нет. У нас самих нет причины поддерживать наше существование, а то, что сохраняет нас, тем более может сохранить и самого себя. Тем самым наше познание ограничено, и бесполезно пытаться понимать какие-то бесконечные вещи, бесполезно отвечать на вопросы, касающиеся бесконечности...

Бесконечность существует для нас как факт существования, но познание ее для ограниченного сознания невозможно. Поэтому выступает как нечто неопределенное. Так пишет С. С. Степанов. А мы, несмотря ни на что, будем вместе с Сергеем Снеговым и Константином Эдуардовичем Циолковским продолжать карабкаться к неизведанным бесконечным миражам...

Ныне на здании Одесского университета нет мемориальной доски, посвященной Сергею Александровичу Снегову, замечательному писателю-фантасту, философу, физики, астроному. Там, где он учился и преподавал философию. Откуда вышли многие его миражи...

Но подобная доска уже есть в Калининграде на улице 9 Апреля, где он жил с 1957 года и создавал свои фантастические шедевры. Чем Одесса хуже? Одесса — родина Снегова...

Литература

1. Снегов С. А. Норильские рассказы. — М.: Советский писатель, 1991. — 304 с.
2. Снегов С. А. Прометей раскованный: Биографическая повесть / Рис. В. Воробьева. М.: Дет. лит., 1980. — 250 с., ил.
3. Циолковский К. Э. Жизнь в межзвездной среде // Циолковский Константин Эдуардович. Воля Вселенной / М.: АСТ, 2019. — 512 с., с. 3.
4. Снегов С. А. Люди как боги: Роман / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 800 с.
5. Снегов С. А. Химеры ада и рая. Опыт автобиографии // С. А. Снегов. Диктатор, или Черт не нашего Бога. Т. 1. — Рига: Полярис, 1996. — 351 с., с. 9–20.
6. Циолковский К. Э. Научная этика // Циолковский Константин Эдуардович. Воля Вселенной / М.: АСТ, 2019. — 512 с., с. 223–266.
7. Степанов С. С. Ступени развития сознания: Мыслить и развиваться. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 352 с., с. 244.